



пуччи папалео: разумеется, rolex моя страсть

Rolex Oyster Cosmograph Daytona Ref. 6363 «Paul Newman», выпущенные в 1969 году, были оценены в 0,8–1,6 млн швейцарских франков и проданы за 3,722 млн, поставив мировой аукционный рекорд для Rolex Daytona



Patek Philippe Ref. 2523/1 с мировым временем и 24-часовой индикацией циферблата 1963 года выпуска были оценены в 0,9–1,8 млн швейцарских франков и проданы за 1,45 млн



явления о ее переиздании. В ноябре нас ждет и специальный аукцион Phillips, посвященный Heuer.

Тем временем на часовом рынке уже произошли большие сдвиги. Если рост индустрии современных часов тревожно замедлился, то аукционный рынок резко рванул вверх. Кто-то ворчит, что денег, уходящих на «старые часы», недосчитываются кассы современных магазинов. Но, похоже, это недальновидно. Хорошо, что в нынешнем мире гаджетов часы вообще покупают. А аукционы помогают распространению знаний, популяризации и пониманию высокого искусства.

Отдельная тема — спор Rolex с Patek Philippe. Что означает уменьшающийся разрыв в аукционных рекордах? Массовый приход «новых денег»? Объективно меньшее количество Patek Philippe на вторичном рынке? Остающиеся за кадром действия обоих часовых домов? Случайность это или устойчивый тренд? Пока можно говорить лишь о том, что если несколько лет назад в качестве надежнейшей инвестиции эксперты называли только Patek Philippe, то теперь Patek Philippe и Rolex, и все чаще Rolex, а потом Patek Philippe.

На интервью Пуччи Папалео пришел вместе с фотографом Фабио Сатинелли — своим давним сподвижником в исследованиях часов. Вместе они выпустили немало работ в издательском доме Pucci Papaleo Editions, в основном посвященных любимой теме — Rolex и прежде всего Rolex Daytona. За исчерпывающие исследования предмета Пуччи Папалео даже прозвали Мистер Дайтона.

— Прозвище Мистер Дайтона обязывает. Похоже, вы исследовали Rolex вдоль и поперек.

— На подготовку книги «The Ultimate Rolex Daytona», например, нам с Фабио потребовалось пять лет. Три первых года мы посвятили отбору часов, которые предстояло сфотографировать. То есть вскрыть и разобрать. Мы проделали работу, за которую вряд ли взялся бы кто-то еще. Разобрались, когда и почему делали сначала такие, потом другие циферблаты. И после нашей книги интерес к Daytona резко повысился, многие недопонимали их ценности.

— Откуда такое всеобщее преклонение перед Rolex? Казалось бы, устрицы, устрицы, устрицы. Нет такого разнообразия корпусов, как у других марок. При этом поговаривают, что Rolex давно продает столько часов, сколько все их конкуренты, вместе взятые.

— Меня в свое время тоже заинтересовал вопрос, почему среди достойнейших марок, таких как Patek, Audemars, Breguet, именно Rolex было уготовано поголовное преклонение. Эти часы любят все. И я нашел только один ответ почему — благодаря совершенству исполнения. Смотрите, как много Rolex вкладывает в исследования, в изобретение материалов, у них своя керамика, свое золото. Что касается моих пристрастий, то они распространяются на часы из прошлого. Современной продукцией я интересуюсь меньше.

— Почему?

— Потому что раньше хронографы делали не цифровыми машинами, а руками, маленькими партиями.

— В истории Rolex для вас есть «прекрасная эпоха», которая вам особенно дорога?

— Это 1930–1940-е годы. Вот, например, часы, которые ушли за 2 млн на прошлых торгах. В них есть мелкие ремесленные несовершенства, но это их достоинство. Приятно, что в последнее время Rolex стал уступать таким эмоциональным слабостям коллекционеров. К примеру, сюрпризом были недавние часы

с керамикой, в которых прослеживается связь с культовой моделью «6263» с пластиковым стеклом, выпуск которой был прекращен в 1980-х. Коллекционеры живо отреагировали.

— Каково ваше отношение к роли зенитовского El Primero в успехах Daytona?

— В конце 1980-х, когда запускалась Daytona, Rolex хотел использовать наилучший из существовавших механизмов хронографа. Тогда часовым Rolls-Royce был El Primero. Rolex его слегка модифицировал. А в 2000-е у марки появился свой хронограф. Но более старые модели привлекают коллекционеров не столько своими механизмами, сколько своим возрастом и редкостью. Сравнить калибры я, пожалуй, не стану. Оба отличные.

— Вы не первый раз сотрудничаете с аукционными домами.

— Мы постоянно делаем разные книги, не только о Rolex, но и о Patek, например. Для Phillips Фабио отснял уже два каталога. Кроме того, вместе с Phillips мы выпускаем необычное для мира часовых аукционов издание. Оно представляет вовсе не те модели, что попадают на торги. Ведь наша цель — показать красоту предмета.

— Кстати, кому принадлежат отснятые редкие экземпляры?

— Собрали у друзей-коллекционеров. Нам, кстати, очень нравится заявление Phillips о том, что аукцион хочет стать другом для коллекционеров, показывать им путь, давать правильные ориентиры.

— Rolex — очень закрытый дом, но вы все же смогли в него войти?

— Rolex потому и миф, что так закрыт. Марка не рассказывает о своих прежних моделях. А если вы получаете инсайдерскую информацию, сослаться на нее все равно нельзя. Сегодня лучшие специалисты по винтажным Rolex — это аукционеры и коллекционеры. Если другие дома поделаются любой информацией, то в случае Rolex за ней надо охотиться, добывать, составлять досье. Все это работает на развитие коллекционирования.

— Ваш личный рейтинг пристрастий? Сначала Rolex, потом?

— Разумеется, Rolex моя страсть. Но я очень люблю и другие марки, например Patek. А больше всего я люблю хронографы. Поэтому меня трогает красота конкретных часов. Даже если они выпущены не очень известной маркой.

Беседовала Сабина Челнокова